
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШВЕЙЦАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА (на материале произведений А. Коэна)

Е.Г. Дмитриева

Кафедра иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье на материале произведений франко-швейцарского автора исследуются различия между французским языком метрополии и французским языком Романской Швейцарии, затрагиваются проблемы межкультурной коммуникации, а также вопросы о социальной роли языка.

Вопрос, можно ли рассматривать франко-швейцарскую литературу в общем русле французской литературы, является спорным. Он связан, в свою очередь, с вопросом о существовании и специфике национальной литературы и культуры Швейцарии, который возник уже в эпоху Просвещения и встал со всей остротой в середине XIX в. Несомненным является то, что своеобразие литературы Французской Швейцарии складывается постепенно и базируется на социально-исторических особенностях швейцарской жизни.

Наши интересы лежат в области исследования особенностей французского языка в Швейцарии. В ходе нашей работы мы провели исследование некоторых произведений франкошвейцарских авторов XX столетия, таких как Жак Шессе (Jacques Chessex), Катрин Колом (Catherine Colomb), Корины Бий (Corinne Bille), Иветт Зрагген (Yvette Z'Graggen), Морис Шаппа (Maurice Chappaz), Альбера Коэна (Albert Cohen), Николя Бувье (Nicolas Bouvier) и других. Данная статья посвящена книге Альбера Коэна «La Belle du seigneur».

Книга Альбера Коэна «La Belle du seigneur» передает отношение француза, говорящего на языке метрополии, к лексическим и фонетическим особенностям французского языка Романской Швейцарии. В основе сюжета — любовь двух молодых людей Адрианы и Солаля. Солаля является потомком семьи, которая много веков соблюдает правила классического французского языка. Как пишет Коэн в книге «Les Valeureux», посвященной семье Солаля, живущей в Греции: «Du père en fils, les Solal Cadets avaient continué de parler français — et un français parfois archaïque, émaillant leurs discours de mots disparus tels que, par exemple, desverie (folie), courbasse (courbe par la vieillesse), coltel (couteau), syndiquer (critiquer), destorber (déranger), vesprée (crépuscule), copie (abondance), se dementer (devenir fou de douleur ou se lamenter), estorbeillon (tourbillon)... Cette fidalité au noble pays et à la vieille langue était touchante [1. P. 81—82].

Возможно поэтому речь возлюбленной, которая всю жизнь прожила в Швейцарии, раздражает Солаля: «Son parler genevois l'agacait. Pourquoi diable disait-elle

fécond et non fécond, pourquoi diable **arcade** et non magasin. Pourquoi une **monte** et non un escalier. Et puis tous ces **septante** et ces **nonante**» [1. P.725].

В словаре «Dictionnaire Suisse Romand» слово «une arcade» характеризуется как «local commercial, de surface réduite, servant à abriter des commerces divers telles boutiques de vêtements, kiosques à journaux, salons de coiffure, pharmacies, pâtisseries, boulangeries, cordonneries, etc.» На русский язык его можно перевести словом «пассаж». Слово «une arcade», в основном, используется в Женеве, но иногда встречается в публицистическом стиле кантонов Вале, Юра и Во; в других кантонах чаще используется словосочетание «local commercial». Данное значение слова «arcade» появилось посредством метонимии от значения «galerie ouverte servant de passage et bordant les rues de certaines villes», которое это слово имеет в языке метрополии.

Числительное «septante» (семьдесят) существовало во французском языке Франции до XV века, но потом стало сдавать свои позиции числительному «soixante-dix». Сегодня «septante» употребляется в Романской Швейцарии, в Вальд'Аост, в Бельгии, откуда оно перешло в Руанду и Заир; иногда встречается в восточных регионах Франции. Его эквивалент, характерный для языка метрополии — *soixante-dix* — зачастую встречается в произведениях швейцарских авторов, но очень редко в устной речи, равно как в школьных учебниках и административных документах.

Числительное «nonante» (девяносто) начало выходить из употребления во французском языке метрополии в XVI веке, уступив место «quatre-vingt-dix», но до сих пор употребляется в Романской Швейцарии, в некоторых регионах Франции (Лион, Божоле, Франш-Конте и др), а также в Вальд'Аост, Бельгии, Руанде и Заире. Так же как и «septante», «nonante» часто встречается в произведениях швейцарских авторов, но очень редко в устной речи, административных документах и в школьных учебниках. Эти числительные имеют производные «septantaine», «septantième», «nonantaine» и «nonantième».

Сама Адриана замечает, что иногда употребляет слова, неиспользуемые во французском языке Франции: «Je ne sais même pas mon **livret**, *je parle suisse quelquefois*, en France ils disent table de multiplication» [1. P. 285]; «... les carrelages des **chambres de bains**, en Suisse ils disent **catelles**» [1. P. 699].

Слово «un livret» — таблица умножения — впервые встречается в Романской Швейцарии в 1691 году. Во Франции это слово считалось устаревшим уже в XIX веке.

«La catelle» (carreau de céramique vernissé, utilisé notamment pour le revêtement des poêles de faïence, des parois d'une cuisine ou d'une salle de bains, ou encore comme dessous-de-plat) употребляется в Романской Швейцарии и в Савойе; первое употребление было отмечено в 1409 году.

Словосочетание «la chambre de bains» встречается в книге несколько раз:

«Chambre de bains, c'est du mauvais français. Les personnes instruites disent salle de bains, je te l'ai dit plusieurs fois déjà» [1. C. 146].

«Il y avait deux chambres de bains, elle dit qu'on dit salle de bains, moi je dis chambre parce que c'est une chambre, une salle c'est quand c'est grand» [1. P. 698].

Само слово «chambre» в швейцарском варианте французского языка имеет более широкое значение, чем в языке метрополии. Здесь оно обозначает любую комнату, за исключением кухни, холла, ванны и туалета, то есть является эквивалентом слова *une salle* (*pièce d'un appartement, d'une maison à l'exclusion de la cuisine, de la salle de bains, des W.-C., des halles. Un grand appartement à cinq chambers*). Это значение является архаизмом для французского языка метрополии.

Однажды, употребив глагол «souper», Адриана поправляется: «...lorsque nous attendions à souper, enfin à dîner» [1. P. 247]. Этот факт показывает, что сами швейцарцы осознают особенности своего французского языка, о чем свидетельствует и то, что даже в литературных произведениях локализмы заключены в кавычки. Например, в книге Николя Бувье «*Journal d'Aran et d'autres lieux*», автор не только заключает локализм в кавычки, но и дает его объяснение: «Je connais le „foehn“ (vent du Sud qui traverse les Alpes suisses) dont l'effet, tout aussi pernicieux, rend splénétiques les natures les plus joviales, avec cortège de violences et suicides. Jusqu'à la Restauration, les tribunaux de Suisse centrale n'avaient, par temps de foehn, pas le droit de siéger. Depuis, grâce à une succession de positivistes — savants ou juristes qui désapprenaient la nature — cette sage disposition n'est plus en vigueur» [4. P. 61].

Слово «le souper» в значении «ужин» (*repas du soir, mets composant ce repas*) является архаизмом для французского языка метрополии, в котором употребляется слово «le dîner». В швейцарском варианте французского языка оно очень употребимо в устной речи, в то время как в литературной зачастую заменяется на «le dîner». В Швейцарии также используются словосочетания «le souper canadien» — «ужин вскладчину» (*souper auquel chaque convive participe en apportant sa contribution au repas*) и «le goûter-souper» (*collation prise en fin d'après-midi et servant à la fois de goûter et de repas du soir*).

Слово «le dîner» во французском языке Швейцарии обозначает, соответственно, обед (*repas du midi, mets composant ce repas*). В словаре *Dictionnaire Suisse Romand* есть интересное замечание, что в разговоре между швейцарцами и французами во избежание непонимания иногда используется глагол «manger» или словосочетание «repas du midi»: «Dans un échange entre locuteurs romands et français, l'ambiguïté du terme peut provoquer, par stratégie d'évitement, l'emploi du verbe „manger“, moins précis et donc plus polyvalent, ainsi que celui du syntagme «repas du midi».

Слово «le dîner» начало использоваться в значении «обед» в начале XIX века и сегодня является архаизмом для французского языка метрополии. Несмотря на это, оно продолжает использоваться во многих регионах Франции, равно как и во франкоязычных странах, таких как Бельгия, Руанда, Заир и Канада.

Слово «le déjeuner» используется в Швейцарии в значении «завтрак» (*repas du matin, premier repas de la journée, mets composant ce repas*). Его «метропольный» эквивалент «le petit déjeuner» имеет только одно значение и не ведет к недопониманию и поэтому все чаще заменяет франкошвейцарский вариант, как в устной речи, так и в литературных произведениях.

Кроме вышеперечисленных терминов, швейцарцы используют также выражения «dix-heures» и «café complet». Первое означает прием пищи в 10 часов утра (collation que l'on fait vers les dix heures du matin, mets composant cette collation) и употребляется также в некоторых регионах Франции (Франш-Конте, Кот-д'Ор, Нормандии) и в Бельгии. Словосочетание «café complet» имеет значение «легкий ужин» (repas du soir, plus léger que le souper, composé de pain, fromage, beurre et confiture accompagnées de café au lait). Во французском языке метрополии это выражение обозначает завтрак с кофе в качестве напитка («un petit déjeuner où la boisson est le café»). Таким образом, данное выражение является семантическим дивергентом.

В книге много говорится о Мадам Дём, свекрови главной героини. Она считает себя дамой высшего общества, и старается «se sentir genevoise et non suisse». «La république de Genève est alliée à des cantons suisses, mais à part cela nous n'avons rien de commun avec ces gens. Pour elle, les Fribourgeois («Quelle horreur, des papistes!») les Vaudois, les Neuchâtelais, les Bernois et tous les autres confédérés étaient des étrangers au même titre que les chinois».

Отношение свекрови к окружающим вызывает раздражение невестки, которая отмечает:

Et puis le langage de la Deume est affreux. Pour dire gaspiller, elle dit **vilipender**. Pour dire joli elle dit jeuli, pour dire milieu, elle dit miyeu, pour dire souliers elle dit souyiers, et pour dire s'il te plaît elle dit s'il te polait. Et tous les endeans qu'elle met partout [1. P. 22].

Фонетические особенности речи мадам Дём можно отнести к особенностям произношения в Романской Швейцарии. Слово «vilipender» в значении «тратить, транжирить» — dilapider, gaspiller (l'argent, des biens, des ressources, de la nourriture) является семантическим неологизмом в швейцарском варианте французского языка. Во французском языке метрополии это слово имеет значение «принижать, поносить» «dénoncer comme vil, méprisable» от латинского vilipendere «traiter avec mépris» «estimer comme vil» + peser, évaluer; первое употребление отмечено в 1392 году.

Также стоит отметить употребление в швейцарском варианте французского языка отглагольных прилагательных там, где в языке метрополии употребляется причастие прошедшего времени. Здесь таким примером служит употребление слова enfle («Les jambes toutes enfles» [1. P. 696]) вместо enflé. Это слово очень часто употребляется в разговорном языке, реже встречается в литературе. Другими примерами этого явления могут служить слова trempe (вместо trempé), gonfle (вместо gonflé), côte (вместо côté) и arrête (вместо arrêté).

Как справедливо пишет Э. Шюле, «большое количество слов и выражений, характеризующих французский язык Швейцарии, перешли в него из патуа. Этот факт известен, но его недостаточно, чтобы объяснить все особенности нашего французского языка. В действительности мы находим в нем и другие, отличающиеся от стандартного французского языка элементы; это, в частности, — термины официального кантонального и федерального языка, отражающие ту оче-

видную действительность, что мы живем не во Франции, а в другом государстве и что наша администрация — это не администрация Парижа» [З. Р. 30—31].

Швейцария способствовала и способствует процветанию французского литературного языка и поддержке его высокого престижа, испытывая постоянное тяготение к культуре Франции. Широкая известность и престижность университетов, медицинских, педагогических и других учебных заведений является свидетельством высокого уровня цивилизации, говорящей на французском языке. Швейцария является родиной педагогов, ученых, писателей с мировой славой. Чтобы оценить их вклад в сокровищницу мировой культуры, достаточно назвать имена Ж.Ж. Руссо, Ж. де Сталь, Б. Констан, К.Ф. Рамю, Ф. де Соссюра, Л. Гоша и многих других.

В данной статье мы рассмотрели произведение франкошвейцарского писателя XX века Альбера Коэна. Даже на примере одной книги становится понятно, что существует ряд различий между французским языком метрополии и французским языком Романской Швейцарии, которые, в основном, затрагивают лексико-семантический уровень. Данная тема очень обширна и интересна и требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Bouvier N.* Journal d'Aran et d'autres lieux. — Paris: Payot & Rivages, 1993.
- [2] *Cohen A.* La belle du seigneur. — Gallimard, 1969.
- [3] *Schüle E.* Documents de français régional actuel // Revue neuchâteloise: Défense et illustration de nos parlers. — 1971. — № 54.
- [4] *Thibault A., Knecht P.* Dictionnaire Suisse Romand: particularités lexicales du français contemporain. — Zoe, 2004.

LEXICO-SEMANTICAL AND PHONETICAL FEATURES OF THE SWISS NATIONAL VARIANT OF FRENCH LANGUAGE (Based on the works of A. Cohen)

E. Dmitrieva

Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

In this article the author investigates the distinctions between the French language of France and the Swiss national variant of the French language basing on the works of a Swiss writer; the issues of intercultural communication as well as the questions of social role of the language are also touched upon.